

Иероглифы на асфальте

В номер заходит горничная, не переставая смеяться и говорить о чём-то, чего мне никогда не узнать. Я не говорю по-китайски, она не владеет ни английским, ни французским, и мне кажется, что смеётся она над моим потерянными временами: сижу тут каждое утро, обложившись кипами листов, даже на полу черновики, мешаю ей нормально убрать. Быть может, сейчас моя работа не выглядит такой ценной, как её, но всё же хочется надеяться, что я делаю что-то важное. И когда я начинаю сомневаться, то напоминаю себе, что здесь я – участник Шанхайской Писательской Программы. А значит, умные люди из Союза писателей Шанхая, его вице-президент господин Ванг Вэй (Wang Wei) и организатор Пейхуа Ху (Peihua Hu) решили пригласить меня в числе десятка других авторов, оплатили нашу поездку, организовали множество встреч и творческих мероприятий с читателями, писателями, газетами и университетами... Китайцы очень прагматичны и не будут тратить впустую свои деньги и усилия... Значит, всё-таки есть что-то ценное в моём творчестве. И я выдыхаю, стараясь не думать о том, что кому-то литература может казаться пустой затеей.

Разница во времени с Москвой плюс пять часов. Там можно писать только по ночам, когда всё уже сделано и все спят: на кухне чисто и ещё уловим аромат выпечки, ничто не нарушает музыки тишины. Разве что мой пёс придёт пару раз проверить, не расщедрюсь ли я на порцию печенья.

В Шанхае я пишу с 9 утра, пока в Москве ещё ночь. Ближе к двум часам дня, когда там дома начнёт разгораться трудовое утро, моя почта засигналит, наполняясь письмами, вопросами, напоминаниями, предложениями, идеями. Когда сдашь интервью? Готов уже очерк? Статью выправила? Что насчёт рассказа? А когда вернёшься – что ставить в расписание? И это только вопросы из мира литературы... А добавить сюда семью, работу, друзей...

Так что, если не хочешь провести весь день в номере, отвечая на поток сообщений, нужно бежать на обед в ближайший ресторан ещё до трёх. Кстати,

для китайцев это очень поздно, и останется выбирать только из общепита в больших торговых центрах, “нормальные” (не туристические) рестораны уходят днём на заслуженный отдых, встречая посетителей к раннему ужину уже в пять. Но всё это будет днём. А пока у меня целое утро, чтобы писать. Зелёный жасминовый чай в стеклянной тубе, чтобы можно было наблюдать, как разворачиваются шарики листьев, превращаясь в чудные узоры. Мягкие черновики, упаковка гелевых ручек, что-то хрустящее для перекуса в самые напряжённые моменты. Могла ли я раньше представить себе: четыре часа, чтобы писать... Дома и двух себе не выделишь – непозволительная роскошь.

Единственная трудность здесь – это соблазняющее солнце. Шанхайцам никогда не оценить его. У нас по девять месяцев в году серого московского неба... Для меня оно прекрасно: под ним я могу работать, писать, любить, встречаться в друзьями и просто прекрасно жить. Но когда я вижу солнце, всё внутри требует немедленно покинуть помещение и поторопиться поймать это сокровище! Просто непозволительно просиживать такую удачу в номере. Поэтому по утрам мне приходится плотно закрывать шторы, оставляя лишь узкую полоску, достаточную для освещения моего стола.

В обед я отправлюсь на ближайшую улицу пообедать. Это отдельное приключение. Путешествия и новый опыт для меня прекрасны, за плечами стран сорок, но как только дело касается новой еды – я впадаю в ступор. Мне нужно знать обо всём, что было положено в мой суп; я не люблю сюрпризных ингредиентов в салате, когда поедающий наслаждается вкусом и пытается угадать, что бы это могло быть. Соседи по резиденции шутят надо мной, я конечно смеюсь вместе с ними, но продолжаю заказывать что-то попроще. На писательских банкетах, когда все сидят за круглым столом, пришлось попросить и бамбук, и лотос, и медузу (я думала, что это холодец, вкус, кстати, такой же), тут уж не выбираешь – все на тебя смотрят, нужно пересилить свои страхи. Но в будни я тайком заказываю европейские салаты и австралийский стейк.

Утро, наполненное продуктивной работой, вкусный обед и после этого... “Я могу делать всё, что хочу?” – этот вопрос я не переставая задавала не то себе, не то куда-то во Вселенную первые две недели. Это так непривычно... Приходилось заставлять себя расслабляться. Честно говоря, это было нелегко. Когда ты чувствуешь ритм этого города, видишь спешащих таксистов, трудолюбивых людей, пробки, толпы – просто невозможно представить, что ты имеешь право просто выдохнуть и медленно пройтись.

Мне помогли шанхайские парки. И дело не только в природе и тишине. Парки сами по себе – самая прекрасная для меня часть Шанхая. Даже на крохотном кусочке территории, зажатом между небоскрёбами, китайцы могут создать удивительный ландшафт: и ручей, и каменный мостик, и лужайку и рощу. А большие парки – вот это наслаждение для любого горожанина: звуки леса, запахи свежести, укромные уголки, водопады, изобилие зелёного, полная гармония с природой. Но что было для меня особенно ценным – это люди. Люди, которые помогли мне переосмыслить мои задачи. Эти пожилые посетители парков (кого ещё встретишь там в разгар рабочего времени), танцующие и поющие, занимающиеся гимнастикой и запускающие змея – я могла наблюдать за ними часами, сидя в тени бамбуковых зарослей. Они выглядят так расслабленно и умиротворённо. На их молодые и зрелые годы пришлось очень нелёгкие времена, они прекрасно помнят, что такое тяжёлый труд, голод, тревоги, усталость. И тем лучше они понимают ценность отдыха. Так хочется поймать их волну: в центре двадцатимиллионного города, в двадцать первом веке, в одной из самых трудолюбивых стран в мире, они оставляют за воротами парка всё лишнее и погружаются в мир гармонии, удовольствия и независимости от чьих-то идей, трендов, задач.

Они выводят иероглифы водой на асфальте... Что может быть медитативней, чем смотреть, как воздух постепенно забирает твой рисунок, истончает линии, и вот уже лишь несколько капель напоминают о том, что ты что-то сделал... Философия, столь отличная от нашей современной, в которой нужно тратить время лишь на созидание чего-то “стоящего”: что можно будет хотя бы повесить дома на стенку или показать друзьям.

А в укромных уголках встречаются одиноко поющие люди. Это особая категория. Есть те, кто приходит петь с группой, они жаждут публики (но не денег, как молодые музыканты в центре города), активно улыбаются вам

и фотографируют для фото. А вот эти одиночки прикатывают в парк свою сумку на колёсиках, в которой стоит небольшая колонка с подсоединенным микрофоном, забираются куда-то в тенистые дебри сада и поют... Поют просто для того, чтобы петь. Не для кого-то, а для себя, для своего удовольствия, своей гармонии. От тех групповых певунов их отличает смущённость на лицах каждый раз, когда случайно оказываешься рядом. Им не нужны свидетели, они наслаждаются процессом.

И эта двухмесячная поездка в Шанхай преподнесла мне уникальный дар — осознание ценности времени, времени для размышлений, для осознания своих идей и удовольствий.

Писатели

Не хочется повторять общеизвестное: литература сближает. Однако как ещё сказать, когда за два месяца ты подружился с людьми так, как будто вы знали друг друга лет десять.

В Шанхае нас поддерживали и опекали сотрудники Шанхайской Ассоциации писателей (аналог нашего Союза писателей). Пейхуа и Хаянь каждую неделю организовывали для нас экскурсии по городу, встречи с писателями, банкеты и интервью для местной прессы. Нас на несколько дней свозили в деревни провинции Анхуи, чтобы мы могли составить более полное впечатление о Китае. И каждая такая поездка и встреча была наполнена смехом и улыбками, длинными разговорами и порой жаркими дебатами, рассказами о своей стране и её литературе. Мы бродили по Конфуцианскому центру, вперемешку обсуждая историю Древнего Китая и Древнего Египта. Мы ездили в писательскую семью и за чайной церемонией обсуждали интерьеры домов писателей и их влияние на вдохновение. Сейчас мне кажется, что таких встреч было слишком мало — так тоскуешь в сентябре по “самой лучшей” своей смене в детском (увы, как давно это было!) лагере, с детской фантазией надеясь ещё встретиться и с детским же бессилием осознавая, что это невозможно. И будет много ещё таких лучших, но в сентябре ты садишься за парту и с безнадёгой ощущаешь, как какая-то часть твоей жизни уже не повторится.

В свободное время мы чаще всего исследовали город поодиночке. Каждому хотелось набрать багаж для будущей пьесы, романа, сборника стихов. А для этого человеку творческому необходимо одиночество. Шанхай для ощущения одиночества прекрасен — ты теряешься в этих толпах, не различающий слов, направлений, названий. Ты бродишь по буддистскому храму, украдкой наблюдая за молящимися, сидишь на берегу озера, вливаешься в толпу празднующих 70-летие КНР. Ты вроде как здесь, с ними, но в любой момент улетаешь мысленно куда-то в мир своих героев, подобно “Страннику по звёздам” Джека Лондона.

И порой ты насыщаешься своим одиночеством настолько, что в какой-то момент стремишься “заземлиться” скорее, поделиться с кем-то внезапным озарением, новой идеей или просто эмоцией. И тогда мне хотелось не шумных общих встреч, а тёплых долгих разговоров один на один, когда вдруг узнаешь о человеке что-то такое, что будешь помнить долгие годы, даже если вы никогда больше не пересечётесь. У каждого из нас есть такие истории, которые так хочется поведать кому-то, кто вскоре будет достаточно далёк, чтобы никогда не разбередить твою тайну, но достаточно чуток сейчас, чтобы выслушать и поддержать.

Из подобных встреч рождается искренняя дружба. Та, которая не нуждается в переписках, но которая вспыхнет горячей радостью даже через десять лет, когда вы случайно окажетесь в одном месте.

Нам очень повезло — в этой резиденции все писатели были удивительно разными, эмоциональными, интересными. Некоторые из них оказались для меня “своими” людьми — теми, с кем хотелось говорить долго и тепло, с кем не бывало неловких пауз или ощущения недоверия, с кем было легко спорить даже о серьёзном, весело подшучивать, не боясь обидеть, и вкусно есть.

Пауло Скотт (Paulo Henrique Scott)

Самым далёким от меня географически, но очень близким по духу оказался бразильский писатель Пауло Скотт, поклонник Троцкого и Чехова. Могла ли я представить, что в уйгурском ресторане Шанхая буду обсуждать с бразильцем героев русского революционного движения?

Пауло известен своими сильными романами, но предпочитает позиционировать себя как поэт, жалуясь, что даже в литературных кругах мы стали слишком мало читать поэзию, а ведь она тоньше, эстетичнее прозы. Романы Пауло о таком далёком для русского читателя мире Амазонии с его красотой, таинственностью и бедами. Ежедневные войны за выживание коренного населения Бразилии, попытки отстоять свои земли, свои ценности, волны самоубийств – как способ обратить внимание на несправедливость. Поначалу это звучало для меня как истории из далёкого прошлого. Увы, всё это живо и болит сейчас, в моём московском уюте.

У Пауло светлая кожа, легко спутать с европейцем, среди его предков были и немцы, и коренные индейцы. И как легко мы понимали друг друга – жители таких далёких, но таких схожих в чём-то стран: перемешивание народов, религий, культур, огромные территории, полные природных ресурсов, безжалостно использующихся человеком; классовое расслоение, борьба с бедностью и агрессией. Пауло Скотт жил несколько лет в Лондоне, его часто приглашают на литературные мероприятия в Европу, но он остаётся верен Бразилии, меняя города, ища вдохновения в разных уголках своей страны.

Ноэ Моралес Муньос (Noe Morales Munos)

У китайцев очень плохо со сладким. Они добавляют много сахара в мясные и овощные соусы, потому такого понятия, как десерт, практически не существует. А моя любовь к горячему шоколаду доставляла одну лишь печаль. Не меньше двадцати кофеен опробовала – разведённый водой порошок-какао – лучшее, что они могли предложить. К счастью, в своей тоске я была не одинока. И мексиканский драматург наконец отыскал изумительное место: 24 вида горячего и холодного шоколада, сваренного из какао-бобов Мексики, Бразилии, ЮАР.

И вот за чашкой великолепного “аргентинского” шоколада с апельсиновыми нотками мы говорили с Ноэ Муньосом о любимом моём Чехове. Ноэ – драматург и режиссёр, ведёт несколько проектов с разными театрами и площадками как в Мехико, так и в других городах по всей стране, а также театральные занятия в реабилитационном центре для пациентов с алкогольной и наркотической зависимостью. Мы часами могли говорить о социальных вопросах, объединяющих наши страны, но больше удовольствия мы получали от дискуссий литературных. Ноэ ставил спектакли по мотивам пьес Чехова “Дядя Ваня”, “Чайка” и “Три сестры” и упорно убеждал меня, что Чехов цепляет именно блестящим завуалированным чёрным юмором. Увы, возможно благодаря школьной программе установочного образца, но моя русская душа отзывается на эти пьесы только сопереживанием, грустью, нашей родной меланхолией.

В Мексике театральные режиссёры и сценаристы работают по грантам государства. И Ноэ переживает, что возможно такой подход расхолаживает: драматург не очень задумывается, окупится ли постановка его пьесы, ведь он получил грант на два года, и коммерческая сторона вопроса его не касается. Чудак-человек, как говаривала моя бабушка. В России творческий человек был бы только счастлив, если имел бы возможность творить без оглядки на материальное.

Яссер Абдулхафез (Yasser Abdel-Hafez)

В один из дней нас пригласили на конференцию в редакцию Шанхайской Литературной газеты. Новейший дизайнерский офис с видом на небоскрёбы, на стенах акварельные портреты нобелевских лауреатов по литературе – обстановка вдохновляющая. Китайцы рассказывали о своей литературной периодике, тиражах и темах, а мы вздыхали и делились состоянием дел в наших странах. Однако с нами был египетский писатель Яссер Абдэль-Хафез. Он работает выпускающим редактором в главной литературной газете Каира, распространяющейся по всему арабскому миру тиражом в 400 000! От такой цифры большинство из нас завистливо присвистнуло, а вот китайские коллеги решили, что тираж маловат.

После этой конференции мы часто встречались с Яссером в какой-нибудь китайской пельменной, чтобы наговориться о том, чем отличается работа журналиста в обычной газете и в литературной, куда движется современный книжный рынок, отчего погибла египетская цивилизация и почему такая крепкая литературная дружба Египта и Советского Союза истаяла за последние десятилетия, осталась где-то там, в воспоминаниях старших.

Яссер рассказывал, что, пока нашёл путь в литературу, перепробовал десяток профессий. Так, например, на заводе Pepsi он вместе с десятком таких же юношей должен был смотреть на проплывающие мимо бутылки, высматривая брак. Бывало, что по целым дням бутылки были однообразно хороши, но каждые пару часов Яссер всё-таки снимал одну, чтобы работодатели не решились, что его работа бесполезна. Арабская мудрость, что сказать.

Яссер прозаик. И это чувствуется в его речи, его молчаливости, вдумчивости. Его лицо всегда сохраняет выражение мудрости, отчего не сразу понимаешь, в какой момент он шутит. Как литературный журналист, Яссер собран, ответственен и крайне любопытен до информации. Он конспектировал наши выступления, записывал имена современных писателей, названия книг, чтобы потом выпустить цикл статей в своей газете о нашей шанхайской резиденции.

Русисты

С китайским профессором Чжэн Тиу мы познакомились ещё четыре года назад, также в Шанхае, когда он пригласил меня на Первый Форум молодых писателей России и Китая. Тогда у нас было мало времени на общение с профессором, в основном мы работали по секциям, участвовали в дискуссиях и обсуждениях с китайскими писателями.

И вот, спустя четыре года, я вхожу в кабинет Чжэн Тиу, и на мгновение кажется, что я попала в родительскую библиотеку – бесконечные книжные стеллажи, знакомые собрания сочинений, русские классики, русские критики... А стол и диваны – всё это заставлено чудом не распадающимися башенками книг наших современников. Профессор всё лето путешествовал по российской провинции, встречаясь с местными писателями и от каждого увозя по книге.

За чашкой настоящего зелёного чая (“Нельзя заваривать кипятком, ты убиваешь листья, температура должна быть не больше 70 градусов”), в прикуску с мункейком, мы обсуждали, как можно перевести у Хлебникова слово “лебедиво”. Я, в свою очередь, в принципе недоумевала, как можно переводить на китайский Хлебникова, а профессор лишь вздыхал, что сколько бы смыслов этого слова мы с ним ни нашли, он, как переводчик, должен выбрать лишь одно. За его плечами тома переводов поэтов Серебряного века. Акмеисты, футуристы, символисты... На несколько часов я абсолютно позабыла, что нахожусь в Китае! Русская речь, такая любовь к нашему языку, нашей литературе, такое искреннее желание сохранить, донести до читателя нашу поэзию. О современной российской литературе Чжэн Тиу говорит по-философски отстраненно: “Кто из них на самом деле “литература”, мы узнаем лет через пятьдесят, не раньше”.

Профессор Тиу – директор Института Мировой Литературы, но в душе своей он не руководитель-организатор, а исследователь. Мечтательно вздыхает о возможности запереться в кабинете и писать, писать, переводить. Отрада – китайские каникулы в честь 70-летия республики. Путешествовать с супругой, как многие шанхайцы в эти дни, Чжэн Тиу не поедет – это ведь золотая возможность на несколько дней остаться наедине с книгами, успеть перевести несколько страниц, успеть написать несколько статей. Даже в каникулы Чжэн Тиу обычно не выбирается дальше своего района – “Далеко ехать, Лена, терять время”. Однако правила гостеприимства для профессора не пустой звук. И чтобы показать мне разные стороны китайской культурной жизни, профессор Тиу приглашал меня и на конкурс этцев, и на концерт с участием Шанхайского оперного оркестра, недавно вернувшегося с гастролей в ОАЭ.

Для всех писателей нашей резиденции он организовал конференцию по мировой литературе, в которой участвовали китайские переводчики и литературоведы. Каждый писатель говорил о литературных новинках в своей стране, доклады были переведены на китайский для последующих публикаций. Интересно взглянуть на эту мозаику мировой литературы из наших выступлений лет через двадцать – что останется, что сбудется из того, о чём мы говорили.

Для меня же профессор Тиу организовал несколько лекций в университетах Шанхая и Ханьжоу, официально, как приглашённому специалисту.

Профессор говорит по-русски нараспев, его речь лишена заимствований и сленга, но наполнена цитатами наших классиков. Русский язык он изучает

со школы. И вот уже не одно поколение его учеников возглавляет кафедры русского языка в университетах по всему Китаю.

Его ученица Вэйхун Ма работает в Институте иностранных языков города Ханьчжоу. “Рай на небесах, а на земле Ханьчжоу” – так китайцы отзываются об этом городе, в центре которого замерло огромное озеро с разбросанными вдоль берегов храмами и пролесками.

Посещение этого института оказалось особенно тёплым. Студенты подготовились именно к творческой встрече, а не лекции. Так забавно было снова сидеть за партой и слушать разговор о своём творчестве. Они спрашивали о моих рассказах, удивляясь прекрасным пониманием текста и особенным видением смыслов, интересовались новыми идеями, просили рассказать о прототипах героев и процессе работы.

В Восточно-китайском педагогическом университете меня попросили провести урок творческого письма. Китайские студенты учат русский уже третий год, и их преподаватель Ираида Топоркова ищет новые способы развивать навыки письменной речи, постоянно следит за новинками русской литературы, стараясь воспитывать студентов разносторонне.

Переживала я сильно – не знала, насколько глубоко они освоили русский язык. А хотелось ребят заинтересовать. В итоге занятия прошло весело. Мы пробовали играть в метафоры, начали с простого – животные. “Если про человека говорят “ты как медведь”, что вы подумаете о нем?”. Всё шло вполне логично, пока я не назвала свинью. . . Воцарилась тишина. Ну же, говорю, какая у вас ассоциация возникает, когда я говорю слово “свинья”. В ответ тихое нерешительное “вкусно”.

Затем мы писали короткие рассказы от лица любого предмета, находящегося в аудитории. “Супружеская пара и холостяк. Мы помогаем вам каждый день, но если мы разозлимся, то вы умрётё”. Знаете, что это? Розетка! Китайская розетка две дырки сверху и одна внизу. А “я самый умный предмет в этой аудитории, потому что поглощаю знания каждый день”? Обычная меловая доска. Абстрактное мышление у них развито прекрасно.

А в университете SISU мы говорили о современной русской прозе, молодой и не очень, реалистической и метафорической. Многие современные русские романы оказались известны студентам. Потом обсудили мои рассказы. Удивил меня анализ моего рассказа “Одиннадцать платьев” через призму феминизма, о котором, к счастью или увы, я даже не задумывалась.

После двух месяцев в Китае, сложно дать какую-то общую характеристику поездке. Даже не понятно, как её назвать – не то творческая, не то рабочая. Опыт настолько многообразен, что хватит ещё на долгую московскую зиму, чтобы перебирать воспоминания, как бусины, разглядывать, ощущать каждое с улыбкой и теплом; вечером ли на кухне за чашкой привезённого чая; случайно в метро, раздражаясь на толпу; а может утром, выглядывая в окно на купола церкви, вспоминая вид на шанхайский Золотой Храм. А там к весне, может, и подрастут мысли, улягутся впечатления, сложатся слова в предложения, и получится соткать из этого пёстрого ковра не то повесть, не то что-то ещё.